

ТЕРРИ ГУДКАЙНД

ТЕРРИ ГУДКАЙНД

ПРИЗРАК

ЛЕГЕНДА ОБ ИСКАТЕЛЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-44
Г93

Серия «Легенда об Искателе»

Terry Goodkind
PHANTOM

Перевод с английского *О. Колесникова*

Художник *В. Ненов*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Гудкайнд, Терри.

Г93   Призрак : [роман] / Терри Гудкайнд ; [пер. с англ. О. Колесникова]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 736 с. — (Легенда об Искателе).

ISBN 978-5-17-094652-5

Цикл Терри Гудкайнда о Ричарде Сайфере — Искателе Истины. Одна из величайших фэнтези-саг в истории жанра, которой восхищаются миллионы читателей по всему миру. Цикл Терри Гудкайнда лег в основу сериала «Легенда об Искателе», с успехом идущего и в нашей стране!

Читайте и смотрите!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-44

© Terry Goodkind, 2005
© Перевод, О. Колесников, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-094652-5

*Филу и Дебре Пиццолато
и их детям — Джо, Николетте, Филиппу
и Агриане, — они постоянно напоминают
мне о ценности жизни, принося в мою жизнь
свою любовь и веселье.*

Неоценимую помощь при создании
«Призрака» оказали:

Брайан Андерсон;
Джефф Болтон;
Р. Дин Брайен;
Доктор Джоанн Леовай;
Марк Мастерс;
Desirée и доктор Роланд Мияда;
Кит Паркинсон;
Фил и Дебра Пиццолато;
Том и Карен Вилан;
Рон Вилсон.

Все эти люди оказывались рядом, когда
были нужны.

Каждый из этих уникальных людей сыг-
рал важную роль в создании этой книги,
и каждый несет в мою жизнь радость уже
самим своим существованием.

Светлой памяти Кита Паркинсона

Тем же, кто пришел сюда, чтобы посеять ненависть, — лучше уйти, ибо их ненависть обратится против них самих.

Из «Книги Жизни»

1

Кэлен тихо застыла в тени, наблюдая, как зло мягко стучится в дверь. Тоже встав под небольшой навес, под самый уголок, стараясь быть от всего в стороне, она надеялась, что на этот стук никто не ответит. Как бы ей ни хотелось провести эту ночь в укрытии от дождя, она не желала неприятностей от такого визита ни в чем не повинным людям. Хотя и понимала, что не имеет права вмешиваться в ход событий.

Свет единственной лампы слабо проби­вался сквозь небольшие окна по обе стороны от двери и отражался мертвенно-бледным дрожащим блеском от мокрого пола крытого крыльца. Доска, подвешенная вверху на двух железных кольцах, скрежетала и издавала визгливые звуки, покачиваясь под порывами дождя и ветра. Кэлен могла даже различить призрачные белые очертания лошади, изображенной на этой темной и мокрой вывеске. Света, падавшего из окон, явно недоста­вало, чтобы она могла прочесть название, но поскольку бывшие с ней три другие женщины на протяжении нескольких дней говорили в основном лишь об этом, Кэлен знала, что это место должно называться трактир «Белая Лошадь».

По запаху навоза и мокрого сена она рас­судила, что одно из темных строений по со-

седству должно быть конюшной. При случайных вспышках далеких молний проглядывали неуклюжие скаты темных строений, возвышавшихся, словно призраки, за волнистой пеленой дождя. Казалось, вся деревня спит крепким сном, несмотря на постоянный шум ливня и раскаты грома. Кэлен не могла придумать лучшего места спрятаться в такую темную и ужасную ночь, как закутаться в одеяла на кровати, в безопасности и тепле.

Когда сестра Улисия постучала в дверь второй раз, громче и настойчивее, явно намереваясь, чтобы ее услышали сквозь буйство дождя, но тем не менее не настолько громко, чтобы это звучало враждебно, в ближайшем стойле зафыркала лошадь. Сестра Улисия, склонная к безрассудным порывам, похоже, преднамеренно выбрала столь сдержанное поведение. Кэлен не понимала, почему, но полагала, что это имеет прямое отношение к причине их появления здесь. И, кроме того, это могло быть всего лишь ее ничем не объяснимым капризом. Отвратительный и затаенный характер этой женщины был, подобно молнии, не только опасен, но и непредсказуем. Кэлен никогда не могла заранее определить, когда именно сестра Улисия сорвется, и ожидать этого можно было в произвольный момент. Обе другие сестры пребывали не в лучшем настроении и были не в меньшей степени способны дать волю своему характеру. Кэлен, впрочем, предполагала, что довольно скоро вся эта троица будет радоваться воссоединению.

Вспыхнувшая молния слепящим небесным огнем высветила лишь пустую улицу с теснящимися к грязной, изрытой глубокими колеями дороге домами. Раскаты грома пронеслись по окружающим горам, и земля под ногами женщин вздрогнула.

Кэлен страстно желала, чтобы, подобно этой молнии, сделавшей явным все скрытое до этого во мраке ночи, что-то озарило ее потерянные воспоминания о собственном прошлом и развеяло темный покров тайны, скрывающий, кто она такая. Она неистово стремилась освободиться от трех сестер, жгуче желала жить собственной жизнью... узнать хотя бы, какой была в действительности та ее жизнь. Вот почти все, что она о себе знала. Но Кэлен не сомневалась, что со временем сможет узнать больше. Она была совершенно увере-

на, что наверняка встретится с чем-то — с людьми или событиями, — что поможет ей вновь стать прежней. Но как бы ни старалась вспомнить хоть что-то, прошлое оставалось утраченным для нее.

В тот ужасный день, когда украла для сестер те шкатулки, она пообещала самой себе, что однажды разузнает правду о том, кто она, и непременно обретет свободу.

Когда сестра Улисия постучала в третий раз, изнутри донесся приглушенный голос.

— Слышу! — Голос принадлежал мужчине. Босые ноги тяжело ступали по деревянным ступеням. — Уже спускаюсь! Пожалуйста, подождите минуту!

Раздражение тем, что он оказался разбужен посреди ночи, явно пробивалось сквозь вынужденное почтение к потенциальным клиентам.

Сестра Улисия обратила сердитый взгляд на Кэлен:

— Ты знаешь, что у нас здесь есть дело, — и подняла предостерегающе палец перед ее лицом. — Даже и не думай устроить нам какую-нибудь пакость, ибо испытаеть то же самое, что было в последний раз.

Кэлен сдержалась, выслушав это напоминание.

— Да, сестра Улисия.

— Надеюсь, Тови заказала нам комнату, — недовольно заявила сестра Цецилия. — Не хотелось бы услышать, что все места заняты.

— Комната будет, — успокаивающе заверила сестра Эрминия, зная привычку Цецилии предполагать самое худшее.

Сестра Эрминия не так стара, как сестра Цецилия, но почти так же красива, как сестра Улисия. Хотя, с точки зрения Кэлен, их облик, при знании их внутренней сущности, не имел никакого значения. На взгляд Кэлен, они были просто злобные гадюки.

— Если нам понадобится, — добавила едва слышно сестра Улисия, не сводя глаз с двери, — комната точно будет.

Молния заискрилась по зеленоватому небу, вспарывая облака и высвобождая оглушительные раскаты грома.

Дверь приоткрылась. Проступило скрытое в тени лицо мужчины, оглядывающего их и продолжающего застегивать под ночной рубашкой брюки. Он слегка подвигал головой

из стороны в сторону, чтобы получше рассмотреть незнакомец. Посчитав их неопасными, он распахнул дверь и пригласил их внутрь.

— Прошу вас, — сказал он. — Проходите все.

— Ну, кто там? — окликнула женщина, почти спустившаяся по лестнице. В одной руке она держала лампу, а другой придерживала подол ночной рубашки, чтобы не споткнуться, шагая по ступеням.

— Четыре женщины, забредшие к нам в дождливую полночь, — ответил мужчина, и грубоватый тон подсказывал, какого мнения он о такой клиентуре.

Кэлен застыла на середине шага. Он сказал: «четыре женщины».

Он увидел их всех четырех и запомнил достаточно надолго, чтобы сказать об этом. Если ей не изменяла память, ничего подобного никогда раньше не случалось. Никто, кроме ее хозяек, четырех сестер Тьмы — трое из которых были рядом, а на встречу с четвертой они и пришли, — не мог хоть на сколько-нибудь запомнить, что видел ее.

Сестра Цецилия, шедшая за Кэлен, подтолкнула ее, возможно не уловив смысла сделанного замечания.

— Ну, так ради бога, — сказала женщина, торопливо проходя между двух дощатых столов. В окна под порывами ветра барабанил дождь. — Позволь же им войти, Орлан, избавь их от этой ужасной погоды.

Поток крупных дождевых капель проник вместе с ними в дверь, залив водой близлежащую часть соснового пола. У мужчины даже перекосялся рот, когда он с усилием прикрывал дверь, преодолевая сопротивление порывов ветра, а затем он сунул в скобы тяжелый железный засов, запирая ее.

Женщина, волосы которой были собраны в неплотный пучок, чуть подняла лампу, разглядывая полуночных гостей. Озадаченная, она прищурилась, в то время как ее взгляд проскользнул по вымокшим насквозь посетителям, сначала в одну сторону, потом в другую. Она открыла было рот, но потом, похоже, забыла, о чем хотела спросить.

Кэлен тысячи раз видела этот пустой, бессмысленный взгляд и поняла, что женщина запомнила лишь трех увиденных ею посетителей. Никому не удавалось запомнить Кэлен

достаточно надолго, чтобы успеть сообщить об этом. Фактически она была невидимкой. Кэлен решила, что, похоже, из-за темноты и дождя этот человек, Орлан, просто ошибся, сказав жене, что у дверей четыре посетителя.

— Проходите и обсыхайте, — сказала женщина, улыбаясь, с искренним радушием, и подхватила под руку сестру Улисию, увлекая ее в небольшой общий зал. — Добро пожаловать в трактир «Белая Лошадь».

Две другие сестры, критически оглядев помещение, сбросили плащи и встряхнули их, прежде чем перебросить через скамью перед одним из двух столов. В глубине этого небольшого зала темнел дверной проем, сразу за лестницей. Большую часть правой стены занимал очаг, сложенный из плоских брусчатых камней. Воздух в тускло освещенном помещении был теплым и наполненным соблазнительным ароматом мяса, тушившегося в железном котелке, свисавшем с крюка, вделанного в каменную кладку топки. Под толстым слоем легкого пепла проступало зарево раскаленных углей.

— Вы похожи на трех мокрых кошек. Должно быть, не сладко вам пришлось. — Женщина повернулась к мужу и, делая жест рукой, распорядилась: — Орлан, разведи же огонь.

Кэлен заметила молоденькую девушку, возможно, одиннадцати или двенадцати лет, тихо спустившуюся по ступеням ровно настолько, чтобы заглянуть в общий зал из-под низкого потолка. Длинная белая ночная рубашка с кружевными обшлагами спереди была украшена вышитым грубой коричневой ниткой пони, беспорядочные стежки изображали гриву и хвост. Девочка уселась на ступенях, натянув ночную рубашку поверх костлявых колен, с явным намерением наблюдать. Улыбнувшись, она продемонстрировала крупные зубы. Очевидно, в трактире «Белая Лошадь» появившиеся в полночь незнакомцы составляли целое приключение. И Кэлен горячо надеялась, что приключение это уже закончилось.

Орлан, человек медвежьего склада, опустился на колени перед очагом и подложил в топку дрова. В его толстых коротких пальцах дубовые клинообразные полешки казались щепками для растопки.

— Что вынудило вас, уважаемые дамы, путешествовать в такую погоду... да еще ночью? — спросил он, бросив взгляд в их сторону через плечо.

— Мы торопились догнать нашу подругу, — сказала сестра Улисия, сопровождая слова бесцельной улыбкой, стараясь сохранить деловой тон. — Надеялись, что она встретит нас здесь. Ее имя Тови. Она должна ожидать нас.

Мужчина опустил руку на колено, помогая себе встать.

— Те гости, что останавливаются у нас — особенно в такие беспокойные времена, — чрезмерно осторожны. Большинство не называют своих имен. — Он поднял бровь, взглянув на сестру Улисию. — Точно так же, как и вы, леди... тоже не даете своих имен.

— Орлан, это гости, — недовольно проворчала женщина. — Промокшие и, без сомнений, уставшие и голодные гости. — Тут она внезапно улыбнулась. — Меня здесь все зовут Эмми. Мой муж, Орлан, и я управляем «Белой Лошадью» с тех пор, как много лет назад умерли его родители. — Эмми сняла с полки три деревянные миски. — Уважаемые дамы, вы, должно быть, умираете с голода. Позвольте предложить вам немного тушеного мяса. Орлан, возьми кружки и принеси дамам горячий чай.

Проходя мимо, Орлан поднял мясистую руку, указывая на миски, которые его жена все еще удерживала в руке.

— Ты обсчиталась. Еще одну.

Она хмуро взглянула на него.

— Нет, не обсчиталась. У меня как раз три миски.

Орлан достал с верхней полки буфета четыре кружки.

— Верно. Как я и сказал, ты обсчиталась.

У Кэлен сперло дыхание. Что-то происходило не так. Сестры Цецилия и Эрминия неподвижно застыли как мертвые, их округлившиеся глаза уставились на мужчину. Смысл болтовни этой супружеской пары не ускользнул от них.

Кэлен бросила взгляд в сторону лестницы и увидела, что девочка, сидевшая на ступенях, наклонилась в их сторону, вцепившись в перила, и вглядывалась, пытаясь понять, о чем это говорят ее родители.

Сестра Эрминия потянула за рукав сестру Улисию.

— Улисия, — произнесла она настойчивым шепотом сквозь сжатые зубы, — он видит...

Сестра Улисия жестом ее успокоила. Ее лоб прорезали морщины, она нахмурилась и развернулась к мужчине.

— Ты ошибаешься, — сказала она. — Нас всего лишь трое.

Говоря это, она тыкала Кэлен крепким дубовым прутом, с которым не расставалась, затакивая ее как можно дальше назад, в тень, словно там та могла стать невидимой для этого человека.

Но Кэлен не хотела оставаться тенью. Ей хотелось стоять на свету и быть видимой — по-настоящему видимой. Такое казалось невысказанной мечтой, но внезапно стало реальной возможностью. И возможность эта бросила в дрожь трех сестер Тьмы.

Орлан нахмурился, глядя на сестру Улисию. Удерживая все четыре кружки в одной массивной руке, он другой стал указывать на каждого посетителя, стоящего в общем зале.

— Один, два, три, — он наклонился в сторону, заглядывая за сестру Улисию, чтобы указать на Кэлен, — четыре. Так вы все хотите чая?

Кэлен зажмурилась от удивления. Ей показалось, что сердце подкатило к горлу. Он видел ее — и запомнил то, что видел.

2

Этого не может быть, — прошептала сестра Цецилия, замывая руки. Она склонилась к сестре Улисии, ее взгляд метался из стороны в сторону. — Это невозможно. — На ее губах проступила обычная для нее бессмысленная улыбка.

— Что-то происходит не так... — Голос сестры Эрминии умолк, едва ее небесно-голубые глаза заметили поведение сестры Улисии.

— Всего лишь случайная аномалия, — едва слышно проворчала сестра Улисия, бросив на них угрожающий взгляд. Ни одна из них не страдала подобострастием, и, тем не менее, обе не продемонстрировали никакого желания вступить в спор с их вспыльчивой предводительницей.

Тремя широкими и уверенными шагами сестра Улисия приблизилась к Орлану. Она ухватила его за ворот ночной рубашки и крепко сжала пальцы. Держа в другой руке дубовый прут, она махнула им в сторону Кэлен, стоявшей позади нее, в тени, около самой двери.

— Как она выглядит?

— Как мокрая кошка, — грубо ответил Орлан, демонстрируя плохое расположение духа и явно не желая присутствия ее руки на его воротнике.

Кэлен совершенно точно знала, что использовать подобный тон в разговоре с сестрой Улисией нельзя, но сестра, вместо того чтобы разразиться потоком ярости, казалось, была так же удивлена, как и Кэлен.

— Это я знаю, но все же — как? Скажи мне, что ты видишь.

Орлан выпрямился, выдергивая свой воротник из ее руки. Черты его лица стали сосредоточенными, пока он в слабом свете лампы оценивал облик незнакомки, которую видели лишь он и сестры.

— Густые волосы. Зеленые глаза. Очень красивая женщина. Обсохнув, наверняка станет лучше, хотя мокрое платье подчеркивает, представляя в выгодном свете, то, что составляет ее естество. — И он заулыбался именно так, как Кэлен ненавидела больше всего на свете, хотя и была вне себя от радости, что он действительно видел ее. — Знатная фигура, — добавил он, скорее для себя, чем для сестры.

Его неторопливая и обстоятельная оценка заставили Кэлен ощутить себя голой. И пока его взгляд скользил по ней, большой палец продолжал поглаживать уголок рта. Она даже могла слышать, как этот палец шуршит его щетиной. В этот момент одно из поленьев в очаге вспыхнуло, наполняя помещение мерцающим светом, позволившим Орлану увидеть еще больше. Его взгляд переместился выше, а затем задержался на чем-то.

— Волосы такие длинные...

Непристойная улыбка Орлана мгновенно испарилась. Он удивленно заморгал. Затем глаза его округлились.

— Духи небесные, — прошептал он, тогда как лицо его стало мертвенно-бледным. — Простите меня, — сказал он, припадая перед Кэлен на колено. — Я не узнал...

Зал огласился громким треском, когда сестра Улисия нанесла ему звонкий удар прямо по макушке своим дубовым прутом, заставляя осесть на оба колена.

— Молчи!

— Что вы творите! — воскликнула его жена, бросаясь к нему. Она присела на корточки и опустила руку на его плечи, чтобы успокоить и поддержать, а он стонал, приложив большую руку к кровоточащей ране на склоненной голове. Рыжеватые волосы под его пальцами потемнели и стали влажными.